

RU

Модели косвенного дополнения в языке древнетюркских рунических памятников

Камалова Ш. Н.

Аннотация. Цель нашего исследования – выявить те модели косвенного дополнения, которые можно отнести к исконно тюркским, используя в качестве материала для анализа язык самых древних письменных памятников, дошедших до нашего времени. Мы попытались провести классификацию обнаруженных синтаксических моделей, применяя в качестве ведущего критерия тот тип отношения, которым связаны компоненты конструкции, а в качестве более частного – их классифицирующее грамматическое значение. Научная новизна заключается в том, что в ходе исследования мы выявили, что конструкция косвенных дополнений в языке древнетюркской рунической письменности выражается с помощью различных средств: падежными формами субстантивных частей речи и глагольно-именных форм; посредством послелогов в составе словосочетаний; местоимением с субстантивным значением; именным словосочетанием – изафетом; субстантивно-адъективной формой. В результате исследования определены конструкции косвенных дополнений и показаны примеры их использования в языке древнетюркской рунической письменности.

EN

Indirect object models in the language of Old Turkic runic monuments

Kamalova S. N.

Abstract. The aim of our research is to identify the indirect object models that can be attributed to the original Turkic language features, using the language of the oldest written monuments that have survived to the present day as the material for analysis. We attempted to classify the discovered syntactic models, using the type of relationship between the components of the construction as the main criterion and their classifying grammatical meaning as a more specific criterion. The scientific novelty lies in the fact that during the study, we determined that the indirect object construction in the language of the Old Turkic runic script is expressed through various means: case forms of substantive parts of speech and verbal-nominal forms; through postpositions within word combinations; pronouns with substantive meaning; nominal phrases – izafet; substantive-adjective forms. As a result of the research, indirect object constructions have been identified and examples of their usage in the language of the Old Turkic runic script have been provided.

Введение

В последнее время, как известно, придается большое значение исследованию языков – прежде всего языков мертвых или малоизученных – с целью выявления их структурных особенностей. В связи с этим язык древнетюркских рунических надписей представляет собой особый интерес, поскольку он является одним из первых письменных тюркских языков и демонстрирует в диахроническом плане самый ранний вариант синтаксического устройства, свойственного языковому типу. Актуальность настоящего исследования заключается в том, что оно ставит своей задачей такое осмысление языкового материала, при котором каждый единичный факт рассматривается как отражение неких общих глубинных законов.

Синтаксис является одной из наиболее значимых подсистем любого языка. Устройство тюркского синтаксиса изобилует особыми, порой даже специфическими по сравнению с европейскими языками чертами, выражающимися в наличии уникальных синтаксических моделей, как в сфере предикативных, так и в сфере атрибутивных конструкций. Несмотря на то, что исследователи тюркских языков традиционно уделяют достаточно большое внимание рассмотрению синтаксиса и различных его аспектов, степень разработанности данного вопроса нельзя считать удовлетворительной. Наиболее перспективными в этом отношении предполагаются исследования, проводимые с опорой на теорию функционального синтаксиса, благодаря которому, во-первых, станет возможным последовательно отделить речевые высказывания с их индивидуальными

особенностями от абстрактных языковых моделей синтаксических конструкций, обладающих инвариантными свойствами, во-вторых, классифицировать выделяемые в языке модели по их структурному типу.

Каждый язык располагает относительно небольшим числом «образцов», опираясь на которые говорящие на нем люди строят бесконечное множество самых разнообразных фраз. В научном описании их представляются формулами моделей (Черемисина, Озонова, Тазранова, 2008, с. 6). Данное исследование посвящено описанию моделей косвенного дополнения в языке древнетюркских рунических памятников (ДТРП).

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи: 1. Интерпретация и проработка текстов рунических надписей, необходимых для сбора речевого материала – базы теоретического анализа, в результате которого предполагается выявить в рассматриваемой языковой системе весь набор обобщенных синтаксических моделей – моделей косвенного дополнения. 2. Описание языкового значения и речевых функций выявленных синтаксических моделей с позиций функционально-семантического и системного подходов в языкознании.

Методологическая и теоретическая база настоящего исследования была заложена в основных концепциях по общему языкознанию, изложенных в работах И. А. Бодуэна де Куртенэ (1963), Ф. де Соссюра (1977), Н. А. Баскакова (2006), Н. Хомского (1972; 2018). Фундаментом настоящего исследования является теория функционального синтаксиса, предложенная В. Г. Гузевым (2015) и основанная на функционально-семантическом подходе к языку. Отдельного внимания заслуживает концепция системной лингвистики, последовательно изложенная в монографиях и статьях Г. П. Мельникова (2003), а также научные работы Новосибирской тюркологической школы, возглавляемой М. И. Черемисиной (1989; Черемисина, Озонова, Тазранова, 2008). Кроме того, в последнее время в Турции заметен рост научного интереса к самим древнетюркским руническим текстам, например в работах Ч. Алыылмаза (Alyılmaz, 2005), Т. Текина (Tekin, 2003; 2020), М. Олмеца (Ölmez, 2015), Г. Даллы (Dallı, 2018).

Методом исследования является метод моделирования синтаксических конструкций (словосочетаний и предложений). Сущность этого метода заключается в том, чтобы выделить из речевых высказываний те модели, которые находятся в языковой системе в качестве абстрактных эталонов и на основании которых происходит их построение в речи.

Все примеры в настоящем исследовании цитируются по текстам памятников, представленных в трудах С. Е. Малова. Как правило, перевод также приводится по работам С. Е. Малова (Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М. – Л., 1951; Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков: тексты и переводы. М. – Л., 1952; Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. – Л., 1959).

Объектом исследования являлись древнейшие памятники рунической письменности, именуемые в тюркологии «орхоно-енисейскими надписями», такие как Памятник в честь Кюль-Тегина (большая и малая надписи), Памятник в честь Тоньюкука, Памятник Могилян-хану (Бильге-кагану), Онгинский памятник, Памятник в честь Кули-чура, Памятник Моюн-чуру («Селенгинский камень»), Памятники бассейна Енисея, Гадательная книга («Irk bitig»).

Элементы языка ДТРП обнаруживаются во многих тюркских языках, распространенных на обширном ареале (Аврутина, 2011, с. 39). Большинство исследователей признает связь языка ДТРП с огузскими языками, причем родственные черты прослеживаются и по фонологической, и по морфологической линиям (Баскаков, 1969, с. 273; Щербак, 1994, с. 33). Таким образом, анализируя те или иные явления, относящиеся к языку рунических памятников, как вспомогательный материал можно было бы привлекать и современные языки, которые признаются родственными языку ДТРП.

Практическая значимость работы заключается в том, что собранный и проанализированный фактический материал может быть полезен как для тюркологов, лингвистов общего профиля, научных работников филологической направленности, так и для изучающих тюркские языки и культуру в востоковедных тюркологических центрах. Кроме того, исследовательская методика автора и полученные результаты могут быть использованы при изучении схожих языковых процессов в типологически близких языках.

Обсуждение и результаты

Атрибутивная модель является одним из трех типов синтаксических конструкций и представляет собой языковое средство выражения определенного типа связи между своими компонентами. Атрибутивным может быть признано не только отношение между главным и зависимым компонентом, который выражает признак, но и то отношение, которое возникает между определяющим, называющим какой-либо признак действия, и его определяемым, как в словосочетании «быстро бежит» (Дубровина, 2010, с. 37).

Атрибутивные модели подразделяются на три разновидности:

1. Определительные модели.
2. Дополнительные модели.
3. Обстоятельственные модели.

Дополнительные модели состоят из двух компонентов: дополняемого и дополнения – и служат средством выражения связи какого-либо действия, признака или предмета с каким-либо предметом (Гузев, 2015, с. 282). В зависимости от характера участия предмета в действии, обозначающем этот предмет, дополнения делятся на два основных типа: прямое и косвенное.

Прямое дополнение обозначает прямой объект, т. е. объект, на который направлено действие. Косвенный объект имеет лишь косвенное отношение к действию.

Косвенное дополнение нередко определяется как «дополнение, в котором предметно-процессное отношение имеет более отдаленный, менее непосредственный характер» (Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966, с. 141). Предмет в этом случае связан с главным действием лишь частично, действие не охватывает его полностью, а затрагивает только какую-то его часть.

В текстах рунических памятников косвенное дополнение также может выражаться различными падежными формами (дательным, местно-исходным, направительным, исходным, винительным падежами).

Косвенное дополнение в дательном падеже

Дательный падеж выражает объект косвенного воздействия. В текстах этот падеж реализует несколько различных смыслов, представляя объект:

1) к которому направлено действие:

Er abqa barmis (ĪB 17) (Малов, 1951, с. 81).

Er	ab-qa	bar-mis
Муж	охота – DAT	идти – PST-3SG.POSS

‘Муж пошел на охоту’ (Малов, 1951, с. 86);

2) который непосредственно достигается действием:

Tüpüt-kä kičig tägmädim (Ktm 3) (Малов, 1951, с. 27).

Tüpüt-kä	kičig	täg-mä-di-m
Тибет – DAT	немного	дойти – NEG-PST-1SG.POSS

‘Я немножко не дошел до Тибета’ (Малов, 1951, с. 34);

3) в интересах которого совершается действие:

Kemkä ilig qazıanur men tir ermis (Ktb 9) (Малов, 1951, с. 29).

Kem-kä	il-ig	qazıanur	men	tir	er-mis
Кого – DAT	эль – ACCDEF	добавить	я	сказать	быть – PRF

‘«Для кого я добываю эль?» – сказал он’ (Малов, 1951, с. 37).

Türk bilgä qaıan ilinjä bititdim ben bilgä toınuquq (T 58) (Малов, 1951, с. 64).

Türk	bilgä	qaıan	il-i-ıä
Тюрк	мудрый	каган	народ – 3SG.POSS-DAT

biti-t-di-m	ben	bilgä	Toınuquq.
Написать – IMP-PST-1SG.POSS	я	мудрый	Тоньюкук

‘Я, правитель Тоньюкук, приказал написать [эту надпись] для племенного союза тюркского правящего ка-

гана’ (Малов, 1951, с. 70);

4) от которого отделяется другой предмет:

Üč jetmis jašımqa adiriltim egük qatun jerimkä adiriltim (E 4) (Малов, 1952, с. 20).

Üč jetmis	jaš-ım-qa	adiril-ti-m
три семьдесят	лет – 1SG.POSS-DAT	расстаться – PST-1SG.POSS

egük qatun	jer-ım-kä	adiril-ti-m
Эгюк-катун	земля – 1SG.POSS-DAT	расстаться – PST-1SG.POSS

‘Когда мне было шестьдесят три года, я расстался [с этим миром], я расстался с моей землей Эгюк-катун’

(Малов, 1952, с. 20);

5) по отношению к которому совершается действие:

Eki oylıma jabıu šad at birtim (Mč 19) (Малов, 1959, с. 36).

Eki	oıl-ım-a	jabıu	šad	at
Два	сын – 1SG.POSS-DAT	ябгу	шад	имя – ACCIND

bir-ti-m

дать – PST-1SG.POSS

‘Двум моим сыновьям я дал звания ябгу и шада’ (Малов, 1959, с. 40);

6) в качестве обстоятельства времени:

Bäš jägirmi jašımda tabgač kanga bardim (E 9) (Малов, 1952, с. 33).

Bäšjägirmi	jaš-ım-da	tabgač
Пять двадцать	лет – 1SG.POSS-LOC	Китай

Kan-ga	bar-dı-m
император – DAT	идти – PST-1SG.POSS

‘В мои пятнадцать лет я пошел к китайскому императору’ (Малов, 1952, с. 33).

Косвенное дополнение в местно-исходном падеже

Местно-исходный падеж оформляет косвенное дополнение, которое в текстах рунических памятников выражает следующие контекстуальные смыслы:

1. Предмет является частью целого (партитивное значение) (Дубровина, 2011, с. 163):

Jaraqınta jalmasınta jüz artuq oqun urtı (Ktb 33) (Малов, 1951, с. 31).

Jaraq-ı-n-ta	jalma-si-n-ta
Оружие – 3SG.POSS-EXCONS-LOCABL	плащ – 3SG.POSS-EXCONS-LOCABL

Jüz	artuq	oq-un	ur-ti
Сто	более	стрела – 3SG.POSS	бить – PST

‘В его оружие, в его плащ попало более ста стрел’ (Малов, 1951, с. 40).

2. Предмет является объектом, от которого удаляются, избавляются, отходят, от которого что-нибудь отбирается, берется, отчуждается, получается:

Tabyačda adirilti (T 2) (Малов, 1951, с. 61).

Tabyač-da adiril-ti
Табгач – LOCABL отделяться – PST

‘Он отложился от табгачей’ (Малов, 1951, с. 64).

3. Предмет является объектом, с которым сравнивают, сопоставляют:

Bizintä äki uçı siñarça artuq ärti (T 40) (Малов, 1951, с. 63).

Bizin-tä äki uç-ï siñar-ça
нас – LOCABL два крыла – 3SG.POSS половина – ADV
artuq är-ti
больше быть – PST

‘По сравнению с нами их два крыла были наполовину многочисленнее’ (Малов, 1951, с. 69).

Косвенное дополнение в направительном падеже

Kitangaru Tuŋra Sämiġ idmiš (T 9) (Малов, 1951, с. 61).

Kitan-garu Tuŋra Sämiġ id-miš
Кидан – DIR Тунгра Сема направить – PRF

‘К Киданам направили Тунгра Сема’ (Малов, 1951, с. 65).

Косвенное дополнение в исходном падеже

Oyuzdantan körüg kelti (T 8) (Малов, 1951, с. 61).

Oyuz-dantan körüg kel-ti
Огуз – ABL лазутчик приехать – PST

‘От огузов пришел лазутчик’ (Малов, 1951, с. 65).

Косвенное дополнение в винительном падеже

Рассматриваемый падеж выражает в рунических текстах несколько узуальных смыслов (Дубровина, 2011, с. 169-170):

1. Предмет выступает в качестве орудия, средства осуществления действия:

...sünjigin açdimiz (T 28) (Малов, 1951, с. 63).

sünjig-in aç-di-miz
Копье – ACC открыть – PST-1PL.POSS

‘Мы проложили [дорогу] копьями’ (Малов, 1951, с. 67).

2. Предмет является объектом, совместно с которым совершается действие:

Qağanimün sülätdimiz (T 53) (Малов, 1951, с. 64).

Qağan-ım-in sülä-t-di-miz
Каган – 1SG.POSS-ACC воевать – CAUS-PST-1PL.POSS

‘Мы вместе с моим каганом повели войско’ (Малов, 1951, с. 69).

Uluġ irkin azqıña erin tezip bardı (Ktb 34) (Малов, 1951, с. 31).

Uluġ Irkin azqıña er-in tez-ip bar-dı
Великий Эркин мало воин – ACC бежать – CV идти – PST

‘Великий Эркин бежал с малым числом воинов’ (Малов, 1951, с. 41).

«Объектные отношения в тюркских языках формально схожи с пространственными отношениями» (Хабибуллина, 2016, с. 100). Для их разграничения следует обратить внимание на сказуемое в предложении. Так, если сказуемое выражается непереходным статичным глаголом, существительное в форме направительного падежа является косвенным объектом, в предложении выполняет роль косвенного дополнения; а если сказуемое передается непереходным динамичным глаголом, данное слово является обстоятельством места, складывается пространственное отношение.

a) Taŋrikä elimkä başda bagimkä bökmädım (E 3) (Малов, 1952, с. 38).

Taŋri-kä el-ım-kä baş-da
Тенгри – DIR народ – 1SG.POSS-DIR голова – LOC

bag-ım-kä bök-mä-di-m
бек – 1SG.POSS-DIR наслаждаться – NEG-PST-1SG

‘Я не наслаждался своим правлением в качестве бека, [поставленного] во главе [для] моего божественного государства’ (перевод М. Э. Дубровиной (2011, с. 155));

b) Basmil jagıdıp äbimrü bardı (Mç 28) (Малов, 1959, с. 36).

Basmil jagıd-ıp äb-ım-rü bar-dı
Басмылы враг – CV дом – 1SG.POSS-DIR пойти – PST

‘Басмылы, став врагами, пошли [войной] на мой дом’ (Малов, 1959, с. 41).

Простое словосочетание в древнетюркском языке представляет собой комбинацию двух знаменательных слов, сохраняющих свои номинативные значения. В современном тюркском языке при одном из членов простого словосочетания может находиться неопределенная частица **bir** ‘какой-то’, например: böyük **bir** ev (азерб.) ‘большой (какой-то) дом’. Здесь **bir** выступает в служебной функции показателя неопределенности и в этих сочетаниях не выполняет номинативной функции.

При анализе атрибутивных словосочетаний особое внимание следует уделить послелогам. Послелого, являясь служебной частью речи, не имеют знаменательного значения. Вследствие того, что послелого выражают синтаксические отношения, по своим функциям они близки к семантике падежных форм.

А. Н. Кононов (1980, с. 224) по характеру связи между действием и объектом выделил 3 типа дополнений: прямое, косвенное и относительное (послеложное) дополнение. При падежном управлении падеж зависит от семантики глагола, при послеложном управлении глаголом определяется послелог, а послелогом – падеж.

Дополнительные модели также могут быть выражены конструкциями с послеложными словами *birlä*, *tara*, *saju*, *ötrü*.

Послелог *birlä* ‘сообща’, ‘вместе’, сочетаясь с именем существительным в основном падеже, передает комитативное значение, т. е. значение сопровождения, совместимости, соучастия:

Äçim kağan birlä ilqärü Jaşil ügüz Şantunj jazıka täqi sülädimiz (Ktb 17) (Малов, 1951, с. 30).

Äç-im	kağan	birlä	ilqärü		
Дядя – 1SG.POSS	каган	с – POST	вперед		
Jaşil	ügüz	Şantunj	jazıka	täqi	sülä-di-miz
Яшиль угюз	Шантунг	равнина	до	ходить – PST-1PL.POSS	

‘С моим дядей-каганом мы ходили войною вперед вплоть до реки Яшиль, до Шантунгской равнины’ (Малов, 1951, с. 38).

Общее комитативное значение, в зависимости от реального значения управляемого послелогом имени, приобретает дополнительные семантические оттенки – участие предмета, обозначенного этим существительным, в качестве субъекта и объекта действия (Кононов, 1980, с. 202):

İnim Kül tigin birlä sözläşdimiz (Ktb 26) (Малов, 1951, с. 31).

İn-im	Kül tigin	birlä		
Младший брат – 1SG.POSS	Кюль-Тегин – ACCIND	с – POST		
sözläş-di-miz				
переговорить – PST-3PL.POSS				

‘Мы переговорили с моим младшим братом Кюль-Тегинем’ (Малов, 1951, с. 39).

Çaça seşün sekiz tümen birlä sünjüsdim (M 26) (Малов, 1959, с. 16).

Çaça	seşün	sekiz	tümen	birlä	sünjüs-di-m
Чача	сенгунвосемь	тюмен	с – POST	сражаться – PST-1SG.POSS	

‘Я сразился с восьмитюменным [войском] Чача-сенгуна’ (Малов, 1959, с. 20).

Дополнение “Çaça seşün sekiz tümen” выражено словосочетанием.

Послелог *tara* употребляется в текстах в значении ‘против’:

Äki otuz jaşım-a tabıaç tara sülädim (M 25-26) (Малов, 1959, с. 16).

Äki	otuz	jaş-ım-a	tabıaç	tara	
Два	тридцать	лет – 1SG.POSS-DAT	табгач – ACCIND	к – POST	
sülä-di-m					
пойти – PST-1SG.POSS					

‘На двадцать втором году я пошел против табгачей’ (Малов, 1959, с. 20).

Послелог *saju* обозначает действие, распространяющееся на весь предмет целиком, и управляет основным и винительным падежами:

Jir saju bardıy (Ktm 9) (Малов, 1951, с. 28).

Jir	saju	bar-dı-γ	
Земля – ACCIND	все – POST	ходить – PST-1SG.POSS	

‘Ты ходил по всей земле / по всем землям’ (Малов, 1951, с. 34).

Послелог *ötrü* сочетается со словом в форме местно-исходного падежа и служит для обозначения следования одного события, факта, действия после другого (‘потом, затем, после’) (Кононов, 1980, с. 205).

Anta ötrü qağanıma ötüntüm (T 12) (Малов, 1959, с. 61).

Anta	ötrü	qağan-ım-a	ötün-tü-m.
там	из-за	каган – 1SG.POSS-DAT	обратиться – PST-1SG.POSS

‘После этого я обратился с просьбой к моему кагану’ (Малов, 1959, с. 66).

Косвенное дополнение также может быть выражено местоимением с субстантивным значением.

Личные местоимения в функции косвенного дополнения

Kor maña körür (Ktm 2) (Малов, 1951, с. 27).

Kor	maña	kör-ür
Все	я – DAT	подчиняться – PRS

‘Все подвластны мне’ (Малов, 1951, с. 34).

Вопросительное местоимение в функции косвенного дополнения

Kemkä ilig qazıanur men tir ermis (Ktb 11) (Малов, 1951, с. 29).

Kem-kä	il-ig	qazıanur	men	ti-r	ermis
Кого – DAT эль – ACC	приобретать	я	сказать – PST	быть – PRF	

‘«Для кого я приобретал эль?» – сказал, говорят, он’ (Малов, 1951, с. 35).

Косвенное дополнение может быть выражено именным словосочетанием –изафетом.

Türk bodunın ilin törüsün tuta birmis (Ktb 1) (Малов, 1951, с. 27).

Türk	bodun-ın	il-in	törü-sin
Тюрк	народ – GEN	племя – 3SG.POSS	закон – 3SG.POSS
tuta	bir-mis	поддерживать – CV	

‘Поддерживали племенной союз и установления тюркского народа’ (Малов, 1951, с. 34).

Косвенное дополнение может быть выражено субстантивно-адъективной формой (САФ). В. Г. Гузев в рамках своей концепции, сложившейся на материале тюркских языков, выделяет в составе категории номинализации действия, наряду с причастиями, деепричастиями и именами действия, еще одну разновидность формы. Эта форма способна окказионально представлять действие как в виде признака, так и в виде предмета (Гузев, 1976, с. 61).

САФ-diq в функции развернутого прямого дополнения

Tapladiqimın tutar men, sebdükimın jıjür men (İB 4-5) (Малов, 1951, с. 80).

Tapla-diq-im-in	tutar	men	
Одобрять – SAF-1SG.POSS-ACCDEF	ловить	я	
Seb-dük-im-in	jıjür	men	
Любить – SAF-1SG.POSS-ACCDEF	есть	я	

‘Я ловлю то, что мне нравится, я ем то, что я люблю’ (Малов, 1951, с. 85).

В этом примере действующее лицо (субъект действия) обозначается с помощью аффиксов принадлежности.

Заключение

При исследовании языка ДТРП мы выяснили, что косвенный объект выражается:

1. Падежными формами субстантивных частей речи и глагольно-именных форм.
2. Посредством послелогов в составе словосочетаний.
3. Местоимением с субстантивным значением.
4. Именным словосочетанием – изафетом.
5. Субстантивно-адъективной формой.

В ходе исследования мы выявили и зафиксировали модели косвенного дополнения на материале языка самых древних тюркских письменных памятников, дошедших до нашего времени. В итоге была выделена двадцать одна конструкция (в тринадцати конструкциях объект выражается падежной формой; четыре конструкции образованы посредством послелогов в составе словосочетаний; две – местоимением, одна – изафетом и одна – субстантивно-адъективной формой).

В перспективе при дальнейшем исследовании мы сможем, опираясь на построенную классификацию синтаксических конструкций языка древнетюркских рунических памятников, предложить гипотетическую модель возникновения и становления структурных единиц современных тюркских языков, стоящих на соответствующей шкале генетического развития и представляющих собой, таким образом, более поздние в диахроническом отношении языки (азербайджанский, турецкий).

Источники | References

1. Аврутина А. С. Древнетюркские рунические памятники: система письма и фонологическая реконструкция. М.: Едиториал УРСС, 2011.
2. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М.: Высшая школа, 1969.
3. Баскаков Н. А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков: словосочетание и предложение. Изд-е 2-е, стер. М.: КомКнига, 2006.
4. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2-х т. М., 1963. Т. II.
5. Гузев В. Г. Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория (на материале староанатолийского и турецкого языков) // *Turcologica*. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова: сборник. Л.: Наука. Ленинградское отделение. 1976.
6. Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2015.
7. Дубровина М. Э. Категория аспектуальности языка древнетюркских рунических памятников // *Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глаголы* / под ред. В. Г. Гузева. СПб.: СПбГУ, 2011.
8. Дубровина М. Э. Морфология языка древнетюркских рунических надписей. Субстантивное словоизменение. Анализ общетюркских тенденций. СПб.: Lambert Academic Publishing, 2010.
9. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. М. – Л., 1980.
10. Мельников Г. П. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики // *Народы Азии и Африки*. 2003. № 6.
11. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
12. Хабибуллина Л. Г. Объектные отношения в тюркских языках // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3.

13. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М.: Изд-во Московского университета, 1972.
14. Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М.: УРСС, 2018.
15. Черемисина М. И. О теоретических вопросах модельного описания предложений // Предложение в языках Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1989.
16. Черемисина М. И., Озонова А. А., Тазранова А. Р. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: Любава, 2008.
17. Щербак А. М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб.: Наука, 1994.
18. Alyılmaz S. Orhun Yazıtlarının Bugünkü Durumu. Ankara: Kurmay yayınları, 2005.
19. Dallı H. Türkçede söz diziminin yapı birimleri. İstanbul: Papatya yay. Eğitim, 2018.
20. Ölmez M. Orhon-Uygur Hanlığı Dönemi Moğolustandaki Eski Türk Yazıtları (Metin-Çeviri-Sözlük). 3. Baskı. Ankara: BilgeSu Yayıncılık, 2015.
21. Tekin T. Orhon Türkçesi Grameri. İstanbul, 2003.
22. Tekin T. Tonyukuk yazıtı. 1. Baskı. Ankara: BilgeSu Yayıncılık, 2020.

Информация об авторах | Author information

Камалова Шахназ Новруз кызы¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Kamalova Shahnaz Novruz gızı¹

¹ Saint Petersburg State University

¹ shahnazkamal@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.09.2023; опубликовано online (published online): 08.11.2023.

Ключевые слова (keywords): древнетюркские памятники; модели; конструкция; дополнение; косвенное дополнение; Old Turkic written monuments; models; construction; object; indirect object.